

**ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ В ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА: МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И
ВЕКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ**

Урунова Фируза Хайдаровна

*Преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандского государственного педагогического института*

Каршибаева Севара

*Студентка 3 курса Самаркандского государственного
педагогического института*

АННОТАЦИЯ. В представленном исследовании предпринимается попытка комплексного осмысления морфологического статуса имени существительного в динамике его исторического и актуального развития. Анализирует устойчивость флективного строя русского языка перед лицом нарастающих тенденций к аналитизму, рассматривает эволюцию категорий рода, числа и падежа как отражение когнитивных сдвигов в сознании носителей. Особое внимание уделяется процессам субстантивации, феминизации и прагматической адаптации грамматических форм в условиях цифровой коммуникации. Статья представляет собой оригинальное исследование, направленное на выявление глубинных механизмов саморегуляции языковой системы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: имя существительное, морфология, грамматическая категория, аналитизм, род, число, падеж, языковая норма, лингвистическая динамика, субстантив, флексия, современный русский язык.

ANNOTATION. This study attempts a comprehensive comprehension of the morphological status of the noun in the dynamics of its historical and current development. The author analyzes the stability of the inflected structure of the Russian language in the face of growing tendencies towards analyticity, considers the evolution of the categories of gender, number and case as a reflection of cognitive

shifts in the minds of speakers. Particular attention is paid to the processes of substantivization, feminization and pragmatic adaptation of grammatical forms in the context of digital communication. The article is an original study aimed at identifying the deep mechanisms of self-regulation of the language system.

KEYWORDS: *noun, morphology, grammatical category, analyticity, gender, number, case, language norm, linguistic dynamics, substantive, inflection, modern Russian language.*

Имя существительное в системе русского языка традиционно воспринимается как фундаментальный строительный материал, обладающий максимальной онтологической нагрузкой. Если представить язык как архитектурное сооружение, то существительное — это его несущие стены, определяющие границы и форму всего строения. В классическом учении Виктора Виноградова, которое можно назвать подлинной поэмой о грамматике, существительное описывается не просто как часть речи, а как «вещественное воплощение мысли». Виноградов настаивал на том, что предметность существительного — это высшая форма абстракции, позволяющая человеческому сознанию фиксировать текучую реальность в застывших, осязаемых образах. В его понимании, когда мы называем действие или признак существительным (например, «бег» или «синева»), мы совершаем акт интеллектуального присвоения мира, превращая динамику в статику, доступную для грамматического манипулирования¹.

Однако современная лингвистическая ситуация заставляет нас взглянуть на эту «статику» под иным углом. Мы наблюдаем, как некогда незыблемые морфологические категории начинают проявлять неожиданную пластичность. Категория рода, определяющим место слова в иерархии мироздания, сегодня становится ареной социальной борьбы. В классической парадигме род — это внутренняя, имманентная характеристика слова, не зависящая от воли говорящего. Стол — мужского рода, книга — женского, и

¹ Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1972. — С. 284.

это распределение воспринималось как данность, не требующая логического обоснования. Но в XXI веке мы видим, как биологический пол и социальный гендер начинают агрессивно диктовать условия грамматике. Появление и распространение феминитивов — это не просто лексическое нововведение, это вызов морфологической структуре. Как отмечают современные критики и лингвисты, например Максим Кронгауз, проблема «авторок» и «редакторок» заключается не в самих словах, а в том, что они взламывают привычные модели словоизменения. Русский язык веками вырабатывал механизмы обозначения лиц женского пола через суффиксы -к-, -ш-, -их-, но эти же суффиксы несли в себе отчетливую коннотацию вторичности или разговорности. Попытка сделать их нейтральными и обязательными наталкивается на эстетическое и системное сопротивление языка, который «помнит» свою историю².

Русское существительное — это самый сложный алгоритм, где окончание (флексия) несет в себе одновременно информацию о роде, числе и падеже. Любое изменение в одном звене этой цепи неизбежно влечет за собой сдвиги в остальных. Если мы меняем род слова или вводим новую словообразовательную модель, мы меняем всю его парадигму. Современное «шатание» рода в словах типа «кофе» (переход в средний род) или колебания в согласовании профессий («врач пришла» vs «врач пришел») свидетельствуют о том, что категория рода постепенно дрейфует от чисто формальной к семантической. Это опасный, но закономерный путь, который может привести к упрощению всей системы согласования. Другой важнейшей тенденцией является нарастающий аналитизм в падежной системе. В идеальной флективной системе, какой долгое время был русский язык, падежное окончание самодостаточно. Однако современная речь всё чаще опирается на предлоги. Предлог перестает быть помощником падежа и становится его хозяином. Мы наблюдаем, как чистые падежные значения вытесняются предложно-падежными конструкциями. Более того, в языке накапливается

² Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: Знак, 2008. — С. 56.

критическая масса несклоняемых существительных. Если раньше это были экзотические заимствования (депо, кашне), то сегодня это повседневные слова: худи, селфи, смузи, такси. В будущем роль флексии может сойти на нет, а грамматическое значение будет определяться местом слова в предложении. Это сближает русский язык с английским, превращая его из синтетического в аналитический. Этот процесс идет медленно, но неуклонно, и существительное здесь — главный индикатор перемен.

Категория числа также демонстрирует интересные трансформации. В классической грамматике выделялись группы существительных, имеющих только одну форму числа. Современный технический и маркетинговый дискурс разрушает эти границы. Мы слышим о «высоких скоростях», «инновационных маслах», «различных логистиках». Происходит конкретизация абстрактных понятий. Когда мы говорим «смыслы» вместо «смысл», мы не просто множим предмет, мы подчеркиваем его дискретность, превращая философскую категорию в товар или единицу контента. Это явление можно интерпретировать как торжество прагматизма над метафизикой. Слово перестает быть идеей и становится объектом.

Нельзя не упомянуть и о категории одушевленности. В русском языке это категория грамматическая, а не биологическая (например, «мертвец» — одушевленное, а «труп» — нет). В цифровую эпоху границы живого и неживого размываются. Персонажи компьютерных игр, роботы, алгоритмы нейросетей в речи пользователей начинают склоняться по модели одушевленных существительных («удалить персонажа», «обучить бота»). Это доказывает, что морфология чувствительна к изменениям в картине мира носителя языка. Если мы воспринимаем объект как обладающий волей, язык немедленно реагирует, наделяя его соответствующими грамматическими признаками. Особого внимания заслуживает процесс субстантивации — превращения других частей речи в существительные. В современной медийной среде мы видим, как прилагательные («главное», «социальное») или даже

глагольные формы окончательно переходят в разряд имен. Это свидетельствует о «номинативном взрыве».

Существительное становится самым удобным инструментом для упаковки сложных смыслов в краткие формулы. Однако у этого процесса есть и обратная сторона — «канцелярит» и перенасыщенность текстов отглагольными существительными делают речь тяжелой и малоподвижной. Язык превращается в нагромождение «номинативных блоков», где теряется действие и субъект. Имя существительное в современном русском языке находится в состоянии динамического равновесия между традицией и инновацией. Оно удерживает структуру языка от распада, но при этом само трансформируется под давлением глобальных коммуникативных процессов. Исследование этих процессов требует не только филологической точности, но и понимания социокультурного контекста, в котором живет и развивается современный человек. Мы являемся свидетелями того, как морфология — самая консервативная часть языка — начинает писать новую главу своей истории, где жесткие рамки парадигм уступают место функциональной гибкости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). — М.: Высшая школа, 1986.
2. Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. — М.: Наука, 1967.
3. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. — М.: АСТ, 2017.
4. Шахматов А. А. Учение о частях речи. — М.: Учпедгиз, 1952.
5. Шведова Н. Ю. (ред.) Русская грамматика (в 2-х т.). — М.: Наука, 1980.